

КОГНИТИВНЫЕ СТРУКТУРЫ ЛЖИВОГО ВЫСКАЗЫВАНИЯ

THE COGNITIVE STRUCTURE OF FALSE STATEMENTS

A. Shuinshalieva

Summary: The purpose of this article for anthropological and cognitive linguistics is to focus mainly on the interactive basis of communication. Understanding lies leads to the basics of human communication behavior. Unlike politeness and other non-aggressive semiotic modes of expression, lying carries the assumption of fraught intentions. The proposed model takes into account the nature of lies as a special type of cognitive scenario of the speaker, aimed at gaining an advantage over the addressee. The structures of false utterance are defined as non-linear systems of knowledge and construction of speakers, using discursive and behavioral techniques of two different (true and false) communities. The difference between what is said and what is pragmatically calculated indirectly is the most important aspect for a false statement. Research in the field of artificial intelligence confirms the statement made in this article that cognitive structures are key in determining the principles of understanding utterances. From this point of view, it was found that the intentions of the liars can be reconstructed based on the propositional analysis of the cognitive structures used.

Keywords: false utterance, cognitive structure, true and false identity, proposition, actual and possible world, discourse, illegitimacy.

Шуйншалиева Айнур Нурлановна

Аспирант, ФГАОУ ВО «Казанский (Приволжский) федеральный университет», г. Казань
ainur-shuinshaliyeva@mail.ru

Аннотация: Цель данной статьи для антропологической и когнитивной лингвистики состоит в том, что в основном следует уделять внимание интерактивной основе коммуникации. Понимание лжи ведет к основам коммуникативного поведения человека. В отличие от вежливости и других неагрессивных семиотических способов выражения, ложь несет в себе предположение чреватых намерений. Предложенная модель предусматривает учет природы лжи как особого вида когнитивного сценария говорящего, направленного на получение преимущества над адресатом. Структуры лживого высказывания определяются как нелинейные системы знания и конструирования говорящих, с помощью дискурсивных и поведенческих техник двух различных (истинных и ложных) общностей. Различие между тем, что говорится, и прагматически рассчитывается косвенно, является важнейшим аспектом для лживого высказывания. Исследования в области искусственного интеллекта, подтверждают заявление, сделанное в этой статье, о том, что когнитивные структуры имеют ключевое значение в определении принципов понимания высказывания. С этой точки зрения было установлено, что намерения лгущих могут быть реконструированы на основе пропозиционального анализа используемых когнитивных структур.

Ключевые слова: лживое высказывание, когнитивная структура, истинная и ложная идентичность, пропозиция, актуальный и возможный мир, дискурс, нелегитимность.

Выбор лжи в качестве объекта исследования был определен «вежливостью» Брауна П. и Левинсона С. Важность этой теории состоит в том, что она впервые обнаружила существование неизвестных до сих пор принципов самоорганизации человеческой группы, которая определяется повседневным взаимодействием говорящих. Вежливость, описанная исследователями, может рассматриваться как фундаментальный принцип самоорганизации человека, поскольку она направлена, на обуздание агрессии и таким образом, на создание социального порядка из хаоса неорганизованных человеческих отношений. То, что вежливость - явление, лежащее в основе общественной жизни человека, доказывается и ее универсальностью. Она присуща любой культуре и любому языку, и как показывают Браун и Левинсон, стратегии вежливости получают широкое распространение во всем мире [1, с.160].

Еще одно явление, принадлежащее к тому же классу, что и вежливость, – это ложь. В своем анализе вежливости Браун и Левинсон обнаружили, что между лингвистическими маркерами и вежливостью нет однозначного соответствия. Вежливость предписывается семантической структурой всего высказывания и не характеризу-

ется маркерами в простой сигнальной манере, которая может быть определена количественно. Точно так же, что ложь выражается всей когнитивной структурой высказывания, а не некоторыми конкретными языковыми средствами. То, что определяет данное высказывание как ложь, – это не наличие таких-то языковых средств, а лежащая в основе знания – когнитивная структура [2, с. 25-27].

Минский М., который ввел понятия фрейма и сценария, определяет их практически одинаково. Фрейм обозначается как структура данных для представления стереотипной ситуации, например, нахождения в помещении определенного типа или похода на свадьбу. Сценарий понимается Минским, как сгущение сложных ситуаций и последовательностей в компактные слова и символы – опять же, как сценарий свадьбы по случаю вступления в брак. Ложь рассматривается в этой статье как спланированная деятельность и является сознательным или бессознательным. В связи с этим необходимо уточнить, в каком смысле используется понятие планирования и в каких субъектах оно анализируется. В этом смысле представление планирования близко к пониманию решения проблем, которое разработано в

когнитивной науке и психологии и определяется как любой вид успешного анализа средств и целей. Минский, явно не связывает сценарии с планированием. Но его теория очень сильно предполагает эту связь. Таким образом, он пишет, что у агента могут быть фреймы и что он может их изобретать [3, с. 205]. Структура лжи – это нелинейная система знания и высказывания. Ложь это признак, который принадлежит к классу явлений, определяемых общим понятием неискренности, в том смысле, в каком оно понимается в искусственном интеллекте. Глаголев Н.В., определяет неискренность как понятие, независимое от языка, обозначающее желание агента внушить ложные убеждения другим [4, с. 62].

Структура лжи может быть успешно классифицирована в соответствии с различными видами целей, предложенными в искусственном интеллекте, например в соответствии с широко используемой классификацией Шенка и Абельсона. Их классификация включает в себя практически все виды занятий, которыми может заниматься человек: целью удовлетворения, осуществление цели, достижения цели, цели сохранения, кризис цели, инструментальная цель. Классификация Шенка и Абельсона фактически объединяет два различных фактора – типы собственности, которыми может обладать агент (например, здоровье, деньги, имущество и. т.д.), и типы отношений между агентом и собственностью (достижение и сохранение собственности, промежуточные стадии в процессе достижения или сохранения) [5, с.282]. Так же, хотелось бы упомянуть еще одну классификацию целей – классификацию Коэна и Левеска. Их классификация подходит для целей формализации лучше, чем классификация Шенка и Абельсона, поскольку, по мнению Панченко Н.Н., она основана только на отношениях между агентом и собственностью. Различают два вида целей – это цели достижения и поддержания. Цели достижения определяются как те, которые агент считает в настоящее время ложными, цели поддержания определяются как те, которые агент считает истинными. Тогда можно дать более формальную классификацию целей истинного “Я” обманщика. Каждая из таких целей может быть представлена как одна из двух абстрактных целей: обманщик достигает собственности, и обманщик сохраняет имущество [6, с. 135-138].

Таким образом, на первый план выдвигаются различные аспекты существования ложного “Я”, и соответственно, можно выделить три вида сценариев обмана. Эти три предложения даны в настоящем времени, но, конечно, их содержание может относиться также к прошлому и будущему. Если мы вернемся к приведенному выше определению неискренности как ложного убеждения, которое один агент внушает другому, то, как утверждает Панченко Н.Н., именно этим трем положениям должны верить обманутые. Другими словами, эти три утверждения помещают обман среди других видов неискренно-

сти, потому что они позволяют обману соответствовать определению неискренности. Во что должен верить обманутый, на самом деле выражается существительным – он должен верить в человека, или в определенное действие [7, с. 122-126].

Структура лжи классифицируются в соответствии с основным аспектом ложной личности обманщика, как она воспринимается и в которую верит обманутый. Обманутый ошибочно полагает, что собеседник – это человек, носящий это имя или собеседник выполняет это действие. Подобные структуры лжи иногда относятся к семиотическому дублированию тела обманщика на два тела с разными именами. Иногда функцию имен собственных могут выполнять другие номинации, такие как номинация профессии человека, или его титула, или его семейного положения, или какая-либо другая номинация, которая может рассматриваться как замена имени собственного. Суть такого сценария можно сформулировать следующим образом: «Если вы верите, что я этот человек, то есть, что у меня есть это имя, то автоматически мое истинное Я достигло / сохранило владения». Задача обманщика в таком сценарии – доказать обманутому, что он тот, за кого себя выдвигает. Если обманщик успешно выполняет эту задачу, обманутый узнает обманщика, скажем, как мистера X, а в случае других номинаций, кроме имен собственных, – как члена определенной группы. Доказательство со стороны обманщика и признание со стороны обманутого будут рассматриваться как две наиболее основные характеристики, лежащие в основе рассматриваемого вида обмана [8, с 30].

Как известно, в искусственном интеллекте, до определенного момента компьютер может быть запрограммирован на учет когнитивных сценариев. Жизненные сценарии рассматриваются в искусственном интеллекте как predetermined стереотипные последовательности событий, выполняемые людьми в повседневной жизни. Люди знакомы с огромным количеством жизненных сценариев в том смысле, что они знают, какие последовательности событий должны быть выполнены ими в той или иной ситуации. Поскольку выявление ложного “Я” обманщика и его характеристик имеет первостепенное значение для формального анализа обмана, необходимо дополнительно прояснить процесс, посредством которого анализирующая система могла бы прийти к формулировке целевой пропозиции ложного “Я” обманщика. Анализирующая система должна выявить логические связи, лежащие в основе трех типов сценариев обмана. Эти отношения заключаются в следующем: принадлежность (доказательство, признание); действие (право, разрешение); наличие (демонстрация, атрибуция). Каждое из них выражается тремя словами. Анализирующая система должна знать, что первые два слова характеризуют ложное “Я” обманщика, а третье слово характеризует обманутого [9, с.17]. Анализирующая система должна

также искать маркеры нелегитимного входа, что характерно для обмана в целом. Незаконный вход может быть двух видов: либо обманщик входит в группу людей из плоти и крови, к которой принадлежит обманутый, либо обманщик побуждает обманутого, войти в иллюзорную группу созданных им двойников [10, с. 54-60].

Мой вывод состоит в том, что последовательность событий, выполняемая агентом, когда она в определенной степени завершена, вызывает одно из трех логических отношений, упомянутых выше, если, конечно, мы имеем дело с обманом. Или наоборот, каждое логическое отношение, может стать общим названием для высказывания и поведения, производимого агентом, если агент обманывает. В этих терминах идентификация того или иного высказывания как лжи становится незначительной. Анализирующая система должна поставить формулировку каждого логического отношения в качестве названия дискурса и посмотреть, какое из них, если таковое имеется, к нему подходит [11, с.20].

Работа, проделанная в когнитивной лингвистике, поднимает два вопроса, центральных для модели, предложенной в этой статье. Развертывание обмана, то есть постепенное создание структуры, который в конечном итоге приведет от намерения обманщика к его цели, осуществляется в двух последовательностях событий – одна из них выполняется истинным “Я” обманщика, дру-

гая – ложным “Я” обманщика [12, с.23].

Понимание обмана – это вопрос реконструкции коммуникативных намерений и целей обманщиков из их высказываний, в котором, освещается вопрос об универсальной обобщенной структуре сценариев обмана в сравнении с их пропозициональными особенностями. Проблема раскрытия лжи выявляет более общую проблему взаимосвязи между ее структурой. Обман отличается от жизненного сценария не качественно, а количественно. По итогам исследования в данной статье, сценарий обмана – это суперсценарий, потому что он представляет собой комбинацию двух жизненных сценариев одновременно. Один из этих двух жизненных сценариев является первичным с точки зрения интересов говорящего (сценарий, выполняемый истинным “Я”); другой жизненный сценарий является инструментальным (сценарий, выполняемый ложным “Я”). Именно цель ложной идентичности обманщика представляется обманутому таким образом, что последовательность событий, выполняемая ложной идентичностью, находится на переднем плане, а последовательность событий, выполняемая истинной идентичностью, находится на заднем плане, будучи часто незначительной, нарушенной или вообще отсутствующей. Внутренняя структура высказывания приспособлена к реализации цели ложной идентичности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Власян Г.Р. Реализация негативной вежливости в английском разговорном диалоге // Известия Южного Федерального университета, Филологические науки. – 2011. - № 4. – С. 160
2. Власян Г.Р. Различные подходы к определению лингвистической вежливости. // Вестник Нижневартковского государственного университета. – 2010. - № 3. – С. 25-27
3. Минский М. Остроумие и логика когнитивного бессознательного // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 23. Когнитивные аспекты языка. -М.: Прогресс, 1988. - С. 205.
4. Глаголев Н.В. Ложная информация и способы её выражения в тексте Текст. / Н.В. Глаголев // Филологические науки. 1987. № 4, С. 62.
5. Плотникова Н.С. Неискренний дискурс (в когнитивном и структурно-функциональном аспектах) Текст. / Н.С. Плотникова. Иркутск: Изд-во Иркут. гос. лингв. ун-та, 2000.- 282 с.
6. Панченко Н.Н. Сравнение как средство дескрипции лжи и обмана Текст. / Н.Н. Панченко // Основное высшее и дополнительное образование: проблемы дидактики и лингвистики: Сб. науч. трудов. — Изд-во ВГУ. — Волгоград, 2000. С.135-138.
7. Панченко Н.Н. Средства номинации обмана в английском и русском языках Текст. / Н.Н. Панченко // От слова к тексту: Сб. матер, докладов междунауч. конф. — Минск: Изд-во Минского гос. лингв. ун-та, 2000а. -Ч. 3.-С. 122-126
8. Морозова Е.И. Лингвальные аспекты лжи как когнитивно-коммуникативного образования (на материале современного английского языка) Текст. / Е.И. Морозова. Автореф. дисс. докт. филол. наук. Спец.: 10.02.04. Киев, 2008. – 30 с.
9. Пирожено О. Когнитивные и коммуникативные аспекты вербализации концепта лжи в диалогическом дискурсе (на материале современного английского языка) Текст. / О. Пирожено. Дис. канд. филол. наук. Спец. 10.02.04. Харьков, 2001. - 17 с.
10. Свинцов В.И. Квалификаторы «истинно» и «ложно» в непропозициональных уровнях. Текст. / В.И. Свинцов // Философские науки. 1987. № 3, С. 54-60.
11. Арутюнова Н.Д. Речеповеденческие акты и истинность. Речеповеденческие акты в зеркале чужой речи. «Я» и «Другой» // Человеческий фактор в языке. Коммуникация. Модальность. Дейксис / Отв. ред. Т.В. Булыгина. -М.: Наука, 1992. С. 20.
12. Гак В.Г. Истина и люди // Логический анализ языка. Истина и истинность в культуре и языке / Отв. ред. Н.Д. Арутюнова. М.: Наука, 1995. - С.23.

© Шуйншалиева Айнур Нурлановна (ainur-shuinshaliyeva@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»